

Два
градуса наклона
прибавляют
человеку
уверенности
вернее, чем
скидка в двадцать
процентов

Острота зрения

Хайруллин Айрат

Айрат Хайруллин

Острота зрения

«Автор»

2026

Хайруллин А. А.

Острота зрения / А. А. Хайруллин — «Автор», 2026

Оптик Дамир Юнусов двадцать лет подбирает людям линзы, и только зеркало в его мастерской хранит секрет: оно повешено с лёгким наклоном — старый отцовский трюк, чтобы клиент невольно расправлял плечи. Но однажды в кресло для проверки зрения садится человек, чьё лицо Дамир узнаёт не сразу — а узнав, чувствует то, чего не испытывал три года. Три года назад именно этот посетитель отнял у него самое дорогое, а суд назвал случившееся «инцидентом». Теперь их разделяет лишь пробная оправа и минус два с четвертью диоптрии — и Дамир держит в руках редкую, почти невозможную власть. Что он выберет: точность мастера или боль отца? И можно ли вообще исправить зрение тому, кто разучился видеть чужую жизнь? Пронзительная история о цене молчания, о зеркалах, которые лгут из милосердия, и о зрении — том самом, для которого нет ни оправы, ни рецепта.

© Хайруллин А. А., 2026

© Автор, 2026

Айрат Хайруллин

Острота зрения

Зеркало в мастерской у Дамира Юнусова висело с лёгким наклоном — ровно настолько, чтобы клиент, глянув на себя в новой оправе, невольно расправлял плечи, не замечая подвоха: два градуса наклона прибавляют человеку уверенности вернее, чем скидка в двадцать процентов, о которой сообщал жёлтый плакат на стене. Это, если вдуматься, старейший фокус зрительной иллюзии на свете, известный ещё портным, полководцам и — чуть позже — политтехнологам: льстить человеку выгоднее, чем говорить ему правду, а зеркало, повешенное с умом, льстит бесплатно и без единого слова, не требуя за это ни голоса, ни подписи. Дамир повесил его так двадцать с лишним лет назад, ещё при отце, и с тех пор ни разу не поправил — из суеверия, а может, из упрямства, которое сам называл профессиональной этикой, хотя правильнее было бы назвать это верностью единственной вещи в мире, которая всё ещё слушалась его безотказно.

Была среда, конец ноября, три часа пополудни, и с улицы в мастерскую всякий раз залетал уже по-предзимнему холодный воздух, когда открывалась дверь. Дамир протирал линзы с демонстрационного стенда фланелевой тряпочкой — движение круговое, привычное, ничего не значащее, — и краем глаза косился на телефон, лежавший на прилавке экраном вверх. Телефон молчал. Молчание телефона в наши дни означает примерно то же, что молчание зала после третьего звонка: спектакль ещё не начался, но нервы уже натянуты.

Ассистентка Вера Павловна, женщина лет шестидесяти, помнившая ещё отца Дамира, раскладывала пробные оправы по ячейкам — металлические слева, пластиковые справа, будто в аптеке лекарства от сердца и от давления, — и говорила, не поднимая головы:

— Дамир Ахметович, у вас опять этот тик. Тряпочкой возите, а линза чистая давно.

— Профилактика, Вера Павловна. Пыль оседает даже там, где её не видно.

Это было неправдой, и оба это знали. Просто руки последние три года нуждались в занятии — не важно каком, лишь бы круговом, лишь бы не пустом, — а мастерская тем и хороша, что в ней всегда найдётся что протереть, подкрутить, подогнать по переносице.

Мастерская называлась «Оптика на Айской» — без затей, без ребрендинга, хотя однажды заезжий консультант по маркетингу предлагал Дамиру переименовать её во что-нибудь «экологически осознанное», с зелёным листиком в логотипе. Дамир тогда вежливо выслушал, заплатил за консультацию и не изменил ничего: вывеска висела та же, что при отце, буквы «Оптика» слегка выцвели с южной стороны, и это выцветание Дамир считал единственной честной рекламой — доказательством, что заведение стоит на месте дольше, чем живёт средний ремонт в соседнем доме. Так вообще устроена всякая семейная верность в стране, которая меняет вывески чаще, чем убеждения: постоянство здесь давно не добродетель и не расчёт, а форма молчаливого несогласия с эпохой — единственная, доступная человеку, не склонному к более шумным формам несогласия.

Отец открыл мастерскую в восемьдесят девятом, когда слово «кооператив» ещё звучало отважно, как прыжок с парашютом безо всякой уверенности, что купол раскроется, и учил маленького Дамира не бояться чужих лиц — учил смотреть человеку в переносицу, а не отводить взгляд, потому что клиент, объяснял он, приходит не купить вещь, а сдаться на милость чужой точности. «Мы не продаём стёкла, — говорил отец, — мы продаём согласие видеть правду о расстоянии до предмета». Фраза была слишком красивой для будничного разговора, из тех, что хочется сразу записать, и Дамир в юности над ней посмеивался, а сейчас, четверть века спустя, повторял её сам себе, как молитву.

За час до ожидаемого звонка в мастерскую заходила Люция Фаритовна, восьмидесятилетняя постоянная клиентка, — жаловалась, что очки для чтения запотевают, когда она печёт

беляши, и Дамир протирал ей стёкла антизапотевающим составом, слушал про внука, который уехал в Москву и звонит по воскресеньям на пятнадцать минут, «как по расписанию, будто отчитывается», и провожал её до двери, придерживая под локоть. Обычный день, обычная мастерская, обычная, немного усталая доброта — и именно в такие дни, без предупреждения, город присылает то, что не вписывается ни в какое расписание, словно нарочно выбирает момент, когда человек меньше всего к этому готов, потому что готовым к такому не бывает никто и никогда, сколько бы ни повторяли обратное книги по психологии горя.

Дверь звякнула колокольчиком — старым, ещё отцовским, латунным, — и вошёл человек в дублёнке нараспашку, с телефоном у щеки, договаривая на ходу что-то про «созвон в пятницу» и «скинь презентацию до вечера». Договорив, он опустил телефон не в карман, а прямо на прилавок, экраном вверх, рядом с телефоном Дамира — два одинаковых чёрных прямоугольника легли параллельно, как два надгробия одинакового размера, и от этого сравнения Дамир мысленно поморщился и тут же устыдился сравнения, хотя, если рассудить честно, устыдиться следовало не сравнению, а тому, до какой степени оно оказалось точным.

— Мне бы очки, — сказал вошедший. — Для компьютера. Голова к вечеру раскалывается, будто по ней асфальтовым катком прошли, честное слово.

— Присаживайтесь, — ответил Дамир и указал на кресло у пробной рамы.

Человеку было под пятьдесят, но выглядел он на десять моложе — тем особым способом, каким выглядят люди, у которых хватает денег на то, чтобы не выглядеть на свой возраст: подтянутая кожа, ровный загар не по сезону, дублёнка, которая стоит как подержанная «Гранта». Он сел, забросил ногу на ногу, и Дамир, наклоняясь к пробной оправе, отметил про себя — не эмоцией, а фактом, как отмечают показания прибора, — что рука слегка дрогнула, когда он потянулся за первой линзой.

Он не узнал его сразу. Три года — срок достаточный, чтобы человек из зала суда, сидевший тогда прямо, в костюме, с адвокатом по правую руку, превратился в клиента номер такой-то, вписанного в амбулаторную карту под фамилией Валеев, Тимур Ринатович, тысяча девятьсот семьдесят четвёртого года рождения. Дамир узнал не лицо — узнал шрам над левой бровью, тонкий, полумесяцем, о котором в материалах дела было сказано одной строкой: «телесные повреждения средней тяжести, причинённые водителю в результате столкновения». Хирург сшил бровь аккуратно, почти незаметно, и в этом Дамир нашёл, задним числом, единственную неоспоримую справедливость всего дела: врач сделал свою работу лучше, чем судья свою, — что само по себе достаточная эпитафия отечественному правосудию, если бы кто-то решился её высечь.

Дамир не сказал ничего. Он взял пробную оправу, вложил в неё первую пару линз и произнёс ровным голосом, каким произносил это тысячу раз до и произнесёт ещё тысячу после:

— Смотрите на верхнюю строчку. Читаем сверху вниз, насколько сможете.

Он привык к тому, что мастерская — место, где люди на несколько минут перестают притворяться зрячими. Здесь, в кресле у пробной рамы, человек признаётся вслух: не вижу. Не различаю. Расплывается. И для Дамира, который зарабатывал на жизнь исправлением чужого зрения, в этом заключалась маленькая, почти комическая философия его ремесла: острота зрения — величина измеримая, единица за единицей, строчка за строчкой, а вот острота совести измерению не поддаётся вовсе, никакая линза её не скорректирует, и ни один окулист в истории профессии не выписал рецепта, который вернул бы человеку способность видеть чужую боль хотя бы вполглаза.

Тимур Валеев читал строчки бодро, с той специфической самоуверенностью человека, привыкшего, что ему подыгрывают: «Эм, Эн, Пэ — нет, погодите, Эм, Эн, Ка...» Он щурился, наклонял голову, будто это могло помочь, и параллельно, не удержавшись, снова тянулся к телефону на прилавке — экран вспыхнул уведомлением, он мазнул по нему пальцем, не отрывая взгляда от таблицы, — редкое умение современного человека: смотреть в две стороны

одновременно и не видеть ни одной как следует, будто зрение, подобно вниманию, тоже можно разменять на мелкую монету и потратить сразу в двух местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.